

Николай Михайловский

О повестях и рассказах гг. Горького и Чехова

Николай Михайловский

**О повестях и рассказах
гг. Горького и Чехова**

«Public Domain»

1902

Михайловский Н. К.

О повестях и рассказах гг. Горького и Чехова / Н. К. Михайловский —
«Public Domain», 1902

ISBN 978-5-457-13104-0

«Но гг. Горького и Чехова обойти или кем-нибудь заменить нельзя, и не только
ввиду их значительности, а и ввиду тех общих выводов, которые я желал бы
представить вниманию читателей...»

ISBN 978-5-457-13104-0

© Михайловский Н. К., 1902
© Public Domain, 1902

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	9
Комментарии	

Николай Константинович Михайловский

О повестях и рассказах гг. Горького и Чехова

Приступая к окончанию заметок о типах современных авторов повестей и рассказов^[1], я чувствую некоторое смущение. До сих пор я находился в положении своего рода *embarras de richesses*¹. Г-на Ф. Потехина или г. Щеглова, г. Плетнева, кн. Барятинского я мог бы свободно заменить множеством других авторов, и только гг. Тимковский и Чириков представляли бы в этом отношении некоторые затруднения, хотя и не непреодолимые. Но гг. Горького и Чехова обойти или кем-нибудь заменить нельзя, и не только ввиду их значительности, а и ввиду тех общих выводов, которые я желал бы представить вниманию читателей. А между тем, и о том, и о другом мне не раз случалось писать^[2]. Думать, что читатели помнят все, в разное время мною об этих двух замечательных писателях сказанное, было бы с моей стороны слишком самоуверенно, а повторять сказанное – по малой мере невесело. Но, может быть, сопоставление их даст мне возможность счастливо избежать этих Сциллы и Харибды. А сопоставление это напрашивается само собой, и к нему не раз уже прибегала критика. Так, недавно еще французский критик Мельхиор де Вогюе в статье «*Revue de deux Mondes*» о г. Горьком поминал г. Чехова, а в статье о г. Чехове – г. Горького^[3], да и в русской литературе это сопоставление делалось. По странной игре судьбы, имеющей, может быть, в своем основании не одну простую случайность, в истории литературы довольно часто случается, что внимание современников-соотечественников, а иногда и не только соотечественников, сосредоточивается на двух писателях, как бы дополняющих друг друга своими резко различными индивидуальными чертами при наличии чего-то общего в них. Вольтер и Руссо, Гете и Шиллер, Пушкин и Гоголь, Толстой и Достоевский поневоле часто вспоминаются парами. Так и гг. Чехов и Горький.

Само собою разумеется, я не думаю сравнивать все эти пары, число которых можно бы было значительно увеличить, в каком бы то ни было отношении, кроме одного: они парами всплывают на верхи литературы данного времени и места, друг друга дополняя и поясняя как своими различиями, так и своим сходством. Долго ли они остаются на верхах, «что город на горе», – века или годы, и велико ли их значение в истории литературы, это уже другой вопрос.

Что гг. Чехов и Горький занимают в настоящую минуту «верхи», в этом нет сомнения. В особенности поразителен успех г. Горького. Г. Чехов заработал свое нынешнее положение далеко не сразу, тогда как с г. Горьким произошло нечто вроде рождения готовой Минервы из головы Юпитера. На моем экземпляре пятого тома его «Рассказов», помеченном прошлым 1901 годом, значится: «двадцать шестая тысяча». Это цифра – если она еще окончательная – исключительная в нашей литературе. А принимая в соображение, что автор появился в литературе всего каких-нибудь пять-шесть лет тому назад, надо признать, что ни одна из звезд первой величины нашего литературного небосклона, – ни Толстой, ни Достоевский, ни Щедрин, ни Тургенев – не завоевывали с такою быстротою такого широкого круга читателей. Но завоеванная г. Горьким область далеко не ограничивается русскими пределами: его усиленно переводят, критикуют, комментируют, интересуются обстоятельствами его личной жизни и за границей – в Германии, во Франции, в Италии, в славянских странах. Из современных русских писателей он после Толстого и, может быть, г. Чехова пользуется наибольшею популярностью в Европе.

¹ затруднение от изобилия (франц.).

В чем же секрет этого колоссального, небывалого у нас успеха?

Объяснить все дело крупным талантом г. Горького, очевидно, нельзя. Как ни несомненен этот талант, едва ли кто-нибудь решится поставить его выше дарований только что названных писателей, да и самая оригинальность всякого истинного таланта исключает возможность подобных сравнений. Каждый сам по себе, каждый в своем роде, в каждом есть нечто, кроме таланта, что при помощи этого таланта «ударяет по сердцам» читателей по крайней мере в данную минуту, при данных условиях. Открыть секрет успеха писателя – значит найти это нечто, помимо таланта, хотя и при его посредстве притягивающее к нему общее внимание, указать тот пункт в его писаниях, который направляет к нему радиусы интереса и симпатий современных читателей.

Я говорю о данной минуте, данных условиях, современных читателей. Каково бы ни было более или менее отдаленное будущее гг. Горького и Чехова, они, во всяком случае, займут свое место в истории литературы в связи с характером и настроением читающего люда в настоящую минуту. То, что волновало данное общество вчера и волнует сегодня, может завтра же встретить холодное равнодушие, отступив на задний план перед новым предметом положительных или отрицательных волнений. И это не только вследствие неустойчивости общественного настроения нам, русским, слишком хорошо знакомой, а и вследствие изменений в самом составе читателей. Известно, с каким восторгом были встречены первые произведения Достоевского, но восторгающиеся представляли собою количественно ничтожную горсть более или менее тонких и требовательных ценителей. Как ни закружилась у Достоевского голова от встретивших его похвал, но о «двадцать шестой тысяче» он, конечно, и мечтать не мог. Теперь, полвека спустя, более или менее тонкие и требовательные ценители не перевелись, разумеется, но общее количество читателей возросло в огромной пропорции, и среди них, без сомнения, есть много и отнюдь не тонких и очень мало требовательных в эстетическом отношении. Говоря это, я отнюдь не думаю как-нибудь умалить значение успеха г. Горького. Временно, вследствие экстренно быстрого увеличения числа читателей на счет недавно сплошь безграмотной массы, уровень их эстетической требовательности необходимо должен был понизиться; но вместе с тем народились запросы ума и сердца, о которых не слышно было пятьдесят лет тому назад. Что касается Европы, то сравнительно еще недавно там едва знали о существовании русской литературы; хотя она уже могла похвалиться гениальными писателями, но ими интересовались какие-нибудь десятки знатоков. Теперь же благодаря бреши, пробитой Тургеневым, Толстым и Достоевским, во Франции слышатся уже негодующие голоса против наплыва и влияния русской литературы, а немецкий критик начинает в журнале «Das Magazin für Literature» статью о Пушкине следующими словами: «Русская литература сделалась у нас модной. Печать расточает похвалы Льву Толстому; газеты запасаются статьями о „поэте униженных“ Максиме Горьком; всюду встречаем мы очерки и фельетоны, знакомящие с произведениями Чехова, Короленко и др. Вследствие такой моды русская литература одними сверх меры восхваляется, другим внушает подозрение, как всякое модное увлечение, и в конце концов можно опасаться, что она не получит ни от кого правильной оценки. Ее современность (Modernität), впрочем, понятна, так как она является своеобразным продуктом своеобразной нации и хотя и состоит в связи с великими европейскими течениями мысли, однако сохраняет также и оригинальную прелесть ее основного славянского настроения. Ее надо рассматривать как естественный продукт ее страны, а не как каприз моды» (см. «Русские ведомости», 1901, № 273).

Не видно, почему бы «в конце концов» европейская критика не могла дать нашей современной литературе оценку, не менее верную, чем какая возможна для русской критики. Но улита едет, когда-то будет, и для настоящего времени опасения немецкого критика, надо думать, основательны. Чрезвычайно характерен в этом отношении немецкий перевод заглавия одного из рассказов г. Горького: «Проходимец» – «Ein Individualist». Дворянин Павел

Игнатъевич Промтов, пожалуй, действительно индивидуалист, но вместе с тем он именно «проходимец» и даже просто мазурик. Добросовестные европейские критики сами признают, что многого не понимают в русской литературе. Так, Вогюе, давно следящий за нею и знакомый и с русской жизнью, в упомянутых статьях «*Revue de deux Mondes*», признавая яркие таланты гг. Чехова и Горького, делает много верных замечаний о их писаниях, но перед некоторыми их сторонами останавливается с недоумением. «Я это констатирую, но не понимаю», – говорит он по поводу рассказов и драматических произведений г. Чехова. А о г. Горьком он, между прочим, пишет: «Очень искусен будет тот, кто разберется в философии Горького», разумея под философией ту точку зрения, с которой наш писатель смотрит на жизнь и которую желает внушить своим читателям. Да Горький и сам в ней не разбирается, прибавляет Вогюе, и в подтверждение этой мысли ссылается на рассказ «Читатель»...

Рассказ этот вообще очень интересен и характерен для г. Горького, хотя видеть в нем нечто автобиографическое, личную исповедь автора, как видит Вогюе, можно только с большими ограничениями. Молодой писатель, от лица которого ведется рассказ, только что наслышавшись похвал своему произведению, идет ночью один по улице. К нему приступает с разговором какой-то таинственный незнакомец, называющий себя «читателем», – очевидно, воплощение совести писателя. Он дает следующее определение «цели литературы»: «помогать человеку понимать себя самого, поднять его веру в себя и развить в нем стремление к истине, бороться с дурным в людях, уметь найти хорошее в них, возбуждать в их душах стыд, гнев, мужество, делать все для того, чтобы люди стали благородно сильными и могли одухотворить свою жизнь святым духом красоты. Вот моя формула, – прибавляет незнакомец, – она, разумеется, неполна, схематична, дополняйте ее всем, что может одухотворять жизнь, и скажите – вы согласны со мной?»

Писатель, конечно, согласен, потому что ведь незнакомец есть он сам или сидящий в нем его судья – совесть. Но не для всех так бесспорна формула незнакомца, как не всякий согласится и с тем определением Бога, которое дает незнакомец в дальнейшем течении разговора: «Бог есть бесконечное стремление к совершенству». Наш писатель опять-таки, разумеется, соглашается, но вслед за тем незнакомец ошеломляет его вопросом: «Кто есть твой Бог?» «До этого вопроса, – говорит рассказчик, – он говорил мягко и ласково, и мне приятно было его слушать... И вдруг он ставит роковой вопрос, на который так трудно ответить человеку нашего времени, если этот человек честно относится к себе. Кто есть мой Бог? Если бы я знал его!» Снисходя к слабости собеседника, незнакомец задает ему другой вопрос, в его сознании, по-видимому, тождественный с первым, но в более простой, специализированной форме: «Ты пишешь, и тысячи людей читают тебя; что же именно ты проповедуешь? И думал ли ты о своем праве поучать?» Рассказчик размышляет: «Первый раз в жизни я смотрел так внимательно вглубь себя. Пусть не думают, что я возвышаю или унижаю себя для того, чтобы привлечь к себе внимание людей, – у нищих не просят милостыни. Я открыл в себе немало добрых чувств и желаний, немало того, что обыкновенно называют хорошим, но чувства, объединяющего все это, стройной и ясной мысли, охватывающей все явления жизни, я не нашел в себе. В душе моей много ненависти, она постоянно тлеет там... иногда вспыхивает ярким огнем гнева; но еще больше сомнений в душе моей. Порой они так потрясают мой ум, так давят сердце, что долгое время я существую внутренне опустошенный...»

Мы еще вернемся к рассказу «Читатель», но теперь остановимся на минуту на этой исповеди писателя. Не поражает ли вас местами почти буквальное сходство ее со следующей исповедью старого профессора в одном из лучших рассказов г. Чехова «Скучная история»: «Сколько бы я ни думал и куда бы ни разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что в моих желаниях нет чего-то главного, чего-то очень важного. В моем пристрастии к науке, моем желании жить, в этом сидении на чужой кровати и стремлении познать самого себя, во всех мыслях, чувствах и понятиях, какие я составляю обо всем, нет чего-то общего, что свя-

зывало бы всё это в одно целое... Каждое чувство и каждая мысль живут во мне особняком, и во всех моих суждениях о науке, театре, литературе, учениках и во всех картинах, которые рисует мое воображение, даже самый искусный аналитик не найдет того, что называется общей идеей, или Богом живого человека. А коли нет этого, то, значит, нет и ничего»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Начало заметок печаталось в «Русском богатстве» (1902, № 1) под заголовком «О повестях и рассказах гг. Ф. Потехина, Ивана Щеглова, Н. Тимковского, Алексея Плетнева, кн. Барятинского, Евгения Чирикова, М. Горького, Антона Чехова». Однако в конце статьи Михайловский сослался на то, что для беседы о Горьком и Чехове, «этих царях современного русского рассказа», у него осталось слишком мало места и он откладывает статью до следующего месяца (Михайловский Н. К. Последние сочинения. Т. 2, с. 151).

2.

Творчеству Чехова Михайловский посвятил статьи: «Об отцах и детях и о г. Чехове» (1890), «Палата № 6» (1892), «Кое-что о г. Чехове» (1900). Первая и третья вошли в сборники Михайловского 1957 г. и 1989 г. Две статьи о Горьком – «О г. Максиме Горьком и его героях» и «Еще о г. Максиме Горьком и его героях» – также вошли в эти сборники. Михайловский написал также рецензию на пьесу Горького «Мещане» («Рус. богатство», 1902, № 4) и статью о «На дне» («Рус. богатство», 1903, № 4).

3.

Статьи Э.-М. Вогюе (1848–1910) вышли в русском переводе Максим Горький. Произведения и личность писателя. Спб., 1902; Антон Чехов. М., 1902.